

Юбилей Шостаковича

25 сентября 1956 года исполнилось пятьдесят лет Дмитрию Дмитриевичу Шостаковичу, крупнейшему композитору современности, как написали о нем газеты. Рядом публиковался Указ Президиума Верховного Совета СССР о награждении композитора орденом Ленина, самой престижной по тем временам наградой, и у него далеко не первой. Сталин тоже не обходил композитора вниманием, верный своей манере общения с интеллигенцией, он то подвергал Шостаковича гонениям, то осыпал милостями. Вслед за опалой 1936 года, тогда ему не понравились ни его авангардная опера «Леди Макбет Мценского уезда», ни традиционный балет «Светлый ручей», в 1941 году Шостаковичу присуждают Сталинскую премию. В 1942 году – еще одну – за Ленинградскую симфонию. В третий раз Сталинским лауреатом Шостакович становится в 1946 году. В 1948 году снова опала, все за ту же, давнишнюю «Леди...», теперь уже в компании с композитором Вано Мурадели и другими достойными музыкантами.

Перестают исполнять музыку Шостаковича, его увольняют из Ленинградской и Московской консерваторий, но ненадолго. Композитор оправдывается музыкой к фильмам о Сталине «Падение Берлина» и «Незабываемый 1919-й», награды следуют незамедлительно – Сталинская премия в 1950 году и еще одна, пятая по общему счету, в 1952-м.

Взлеты и падения, падения, грозившие арестом, допросами, пытками. Сталинская любовь и следовавшая за ней новая опала вконец измотали Шостаковичу нервы. Смерть Сталина он воспринял с облегчением, жизнь его «наконец в безопасности».

В декабре 1953 года исполняется Десятая симфония Шостаковича. Музыкальные критики впоследствии назовут ее первым, еще до Эренбурга, произведением, возвестившим наступление «оттепели» после морозов сталинской «зимы».

В 1954 году Шостакович становится лауреатом Международной Сталинской премии мира, а в 1958 году еще и Ленинской премии.

В 1961 году Шостакович вступает в партию и становится Первым секретарем Союза композиторов Российской Федерации, а Ваню Мурадели, его товарища по несчастью 1948 года, избирают главой московского Союза композиторов. Вся музыкальная жизнь России отныне в их руках.

В декабре 1962 года в Московской консерватории симфонический оркестр Евгения Мравинского впервые исполняет антисталинскую симфонию «Бабий Яр» на стихи поэта Евтушенко. В ней Шостакович проводит тему репрессий, сталинских и гитлеровских, напоминает, что «страхи всюду, как тени скользили, проникали во все этажи».

Отец к Шостаковичу относился с уважением, но ни в друзья не набивался, ни критикой его произведений не баловался. Они существовали как бы параллельно, отец – в заботах о государстве, Шостакович жил своей музыкой. Изредка встречаясь на приемах или премьерах, пожимали друг другу руки и расходились.

Одно последнее замечание. Сейчас принято считать, что Шостакович не вступил в партию, а туда его загнали насильно, чуть ли не угрозами. Такова дань времени, зеркальное отражение прошедшей эпохи с переменой знаков плюс на минус. Это неправда. Тогда действовали иные установки. Партия числилась рабочей, а стремилась в нее в основном интеллигенция: писатели, журналисты, инженеры. ЦК даже издало специальную директиву: рабочих принимать без ограничений, остальных же – в пределах спущенного лимита. Чтобы просто подать заявление о приеме в партию, композитору или ученому приходилось ожидать своей очереди годами. Об этом теперь вспоминать не принято, но что было, то было.

В свою очередь, отец считал членство в партии привилегией, а не обязательством. Он одинаково высоко ценил коммуниста Королева и беспартийного Туполева, и к последнему с партией не навязывался. Я тому свидетель. Он с восторгом отнесся к просьбе академика Евгения Оскаровича Патона о приеме в партию, но решение это принимал на исходе своей жизни сам Патон, а не Хрущев. Не думаю, что в отношении Шостаковича он вел себя иначе. Никто же иной на величину калибра Шостаковича давить бы просто не посмел, ни райком, ни горком. Они могли предложить ему стать членом партии, но заставить его, зная, что последует, если он пожалуется отцу, – такого я себе не представляю.